

АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

ДЕТИ АРБАТА

Книга вторая

Страх

ФТМ

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
Р93

Рыбаков А.

Р93 Дети Арбата / Анатолий Рыбаков. — М. : «RUGRAM_ФТМ», 2021. — (Серия «Мировая классика»).

ISBN 978-5-4467-3560-0

Книга вторая : Страх. — 783 с.

ISBN 978-5-521-74289-9 (Книга вторая)

Трилогия А. Рыбакова (1911–1998) «Дети Арбата» (1987) повествует о представителях поколения 1930-х годов, живших на Арбате. Автор показывает, какое влияние на них оказал сталинизм.

Действие второй книги происходит в то время, когда после убийства Кирова начинается рьяное очищение страны от «врагов народа».

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-4467-3560-0

ISBN 978-5-521-74289-9 (Книга вторая)

© Рыбаков А. Н., наследники, 2021

© Оформление.

ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В положенный день не пришла почта. Не пришла она и через неделю. Но сани из Кежмы приносили к Федьке, к продавцу, привозили что-то.

Саша зашел в лавку. Федя дверь не открывал, пускал через заднее крыльцо, через кладовку.

— Тебе товары привезли?

— Привезли кой-чего.

— А почты почему нет, не знаешь?

— Кто знат. Тебе, может, чего в долг записать?

— Ничего не надо, спасибо.

Зашел Саша и к Всеволоду Сергеевичу. Тот лежал на кровати, укрытый хозяйской барчаткой — длинным полушубком до пят, со сборками на поясе.

— Заболели?

— Здоров.

— Чего же лежите?

— А что делать?

— Почему почта не приходит?

— Почта? Почты вам захотелось? Вам сейчас другую почту преподнесут.

— Не понимаю.

— Не понимаете... А что происходит в стране, понимаете? Враги рабочего класса убили товарища Кирова, а вы хотите, чтобы этим врагам аккуратно доставляли почту. Да вы что, Саша?! Властям надо изготовиться для ответного удара. Такого удара, чтобы дрогнула земля российская. Чтобы неповадно было убивать вождей рабочего класса, чтобы враги

рабочего класса, личность которых еще выясняется, не смели бы подсылать убийц, личность которых тоже еще выясняется. А вы письма ждете, по газеткам соскучились. Какие письма врагам рабочего класса? Чтобы они сговорились, как избежать возмездия за совершенное убийство? Какие газеты? Чтобы они могли сориентироваться в событиях, чтобы могли маневрировать? Нет, дорогой, такой возможности вы не получите. Еще скажите спасибо, что вас не трогают, не заставляют в такой мороз шествовать до Красноярска.

— Ладно, — засмеялся Саша, — не пугайте меня, а главное, не пугайте себя.

Всеволод Сергеевич сел на кровати, уставился на Сашу.

— Вы давно видели Каюрова?

— Каюрова? На днях встретил на улице.

— Больше не встретите.

Саша вопросительно смотрел на него.

— Да, да, — повторил Всеволод Сергеевич, — его увезли сегодня ночью, подъехала кошевка, побросали его барахлишко и увезли.

— Никто этого не видел, — растерянно проговорил Саша.

— Конечно. Собаки и те не лаяли. Все спали. Вот такие дела. Вы помните своего спутника Володю Квачадзе?

— Конечно.

— Его под конвоем этапировали в Красноярск. И всех его единомышленников и с Ангары, и с Чуны. И всех гольтявинских, Марию Федоровну, бывшую эсерку, Анатолия Георгиевича, бывшего анархиста, и эту красотку... Фриду. Всех подбирают. Скоро и наша с вами наступит очередь. Вам не попадалась в Кежме старуха, ссыльная Самсонова Елизавета Петровна?

— Да, я ее знаю.

Ей Саша передавал от Марии Федоровны деньги — двадцать пять рублей.

— Эту старушку тоже угнали, а ей, между прочим, семьдесят два года.

Саша пожал плечами.

— Молодых — Володю, Фриду, меня — можно отправить в лагерь, все же даровая рабочая сила. Но старуху — ее до Красноярска не дотащат, помрет по дороге.

— Кого это интересует, кого волнует? Предписана определенная акция: ссыльных с такими-то статьями и сроками этапировать в Красноярск. Что же вы думаете, какой-нибудь уполномоченный будет рассуждать: старая, больная, жалко... Да его расстреляют за невыполнение приказа. А так — отправил, выполнил приказ. Умрет по дороге — он за это не отвечает. А дотащат живой до Красноярска, добавят новый срок — и опять отправят — довезут, значит, довезут, не довезут, значит, спишут. Сошлось в отчетности — все правильно. Умер — сделаем отметку, уменьшим общий итог, и вся арифметика. Не знаю, как вам, Саша, вы маломерок, но мне, Михаилу Михайловичу, по их понятиям рецидивистам, нам, как говорится в песне, «в срок назначенный».

— Ну что ж, — спокойно сказал Саша, — будем дожидаться.

Так они и продолжали жить в своей Мозгове, на краю света, оторванные от мира, но чувствующие, что в мире происходит что-то страшное, что должно вскоре коснуться и их.

С Зидой Саша почти не виделся. В Кежме уволили двух учительниц, у одной муж ссыльный, другая — сама в прошлом ссыльная. Сейчас, после убийства Кирова, страну очищали от «сомнительных элементов» и обеих учительниц уволили, их заменили Зидой. С семи до десяти утра она вела уроки в Мозгове, а в десять к школе подъезжали сани, увозили ее в Кежму и уже поздно вечером привозили обратно. Все же Саша, встретив ее на улице, остановился, поздоровался, ласково спросил, как дела. Она отводила глаза, говорила, что все хорошо, только работы много.

— Зида, — сказал Саша, — я был неправ тогда, зря обидел тебя и очень жалею об этом. Если сможешь, прости меня.

Она наконец подняла на него глаза.

— Ладно, Сашок, что было, то прошло.

— Я хочу, чтобы мы остались друзьями.

— Конечно, — Зида улыбнулась, — конечно, как же иначе.

На том разговор и кончился.

Больше они не встречались: Зида была то в Мозгове, то в Кежме, а Саша нашел работу.

Лютые морозы стояли в январе 1935 года. Старые ангарцы таких не помнили. Сидели по избам, говорили: «Не зима, а зимища».

Много хлопот было у председателя колхоза Ивана Парфеновича. Конечно, разместить двести коров в деревне, где их недавно было две тысячи, не сложно: женщин в колхозе хватало, и привычки к уходу за животными в них еще не истребили.

Но уследить за общим стадом, размещенным в десятке дворов, непросто. Большинство коров были стельными, и кормить надо внимательно, и поить не холодной водой не менее трех раз в сутки, а воду ту с Ангары, с проруби таскают, и подстилку надо чистую, свежую, и прогулять хоть два-три часа в день, и беречь от падений, ударов, а когда начнется отел, перевести в специальное родильное отделение — так инструкция требует. Коров стало в десять раз меньше, инструкций — в десять раз больше. И от сквозняков надо беречь, чтобы не застудить корову, а скотные дворы пообветшали, поразвалились, кто за ними смотрит, если скота нет.

Колхоз уже третий год как строил молочную ферму, попросту сказать, большой двухрядный коровник. Но строительство не двигалось, то одно мешало, то другое.

Стали в районе отчет составлять, оказалось, нигде молочных ферм не строят... Обходятся частными скотными дворами. Начальство, конечно, переполошилось: срыв развития животноводства, еще и расстрелять могут как за вредительство. И был дан приказ — к весне, к массовому отелу, фермы закончить во что бы то ни стало.

Иван Парфенович сформировал бригаду, во главе ее поставил Сашиного хозяина Савву Лукича, был он в прошлом хороший плотник, впрочем, в деревне каждый — плотник.

— Может, подмогнешь, — сказал Савва Лукич Саше, — трудодни на меня выпишут, а я тебе отдам.

— А как Иван Парфенович?

— Он и велел, — простодушно ответил Савва Лукич.

И стал Саша плотничать.

В бригаде их было шестеро: Савва Лукич, Саша и еще четыре мужика. Обтесывали бревна. Клади на перекладину, укрепляли с боков скобами, проходили ш н у р к о й — веревкой, которую чернили хорошо обугленным на костре куском дерева, — на бревне остается след, по нем и тешешь топором. Обтесал обе стороны, зовешь мужиков, переворачиваешь бревно, закрепляешь и обтесываешь вторые две стороны, так и получают четыре канта, потом обтесываешь углы, бревно готово.

Савва Лукич посмотрел, прошелся вдоль бревна.

— Будешь тесать, пойдет.

— Парень молодой, яйца свежие, — посмеялись добродушно мужики.

Хотя и подмораживало крепко, работа была приятной. Стружки ложились возле бревна, пахло свежо, морозно. Мужики привозили каменные глыбы: здесь фундаменты не роют, на камень и кладут обвязку, просвет зашивают тесом, засыпают и опять покрывают тесом.

Саша обтесывал бревна для верхней и нижней обвязки, еще с одним мужиком пилил двухметровые бревнышки, в каждом бревнышке вырубали паз для сухого мха.

— Если бы не клин и не мох, плотник бы подох, — говаривал Савва Лукич. Дома он был молчалив, мастерил что-то во дворе, а здесь, на работе, был разговорчив, прибаутничал.

Другие мужики готовили тес, доски, работали на продольных пилах — один наверху, другой внизу. Работали весело, без раздражения, даже если кто и повел не в ту сторону, испортил, переделывали спокойно, не ругались. Промахнулся, не попал по гвоздю или шипу, шутили:

— Насте своей небось сразу попадаешь.

Спать теперь Саша ложился рано, вставал вместе со стариком на рассвете. У старухи уже был готов для них завтрак, они ели и уходили на работу.

Изредка вечером заходил Всеволод Сергеевич.

Он как-то потускнел, хотя и пытался бодриться. Приходила к нему какая-то женщина из Кежмы, Всеволод Сергеевич суетился, готовил угощение, женщина была худая, рано состарившаяся.

Однажды Всеволод Сергеевич появился у их коровника, замахал бандеролью.

— Почта пришла! Я захватил ваши газеты и письма,

— Спасибо, дорогой!

Саша сдернул с рук кокольды — оленьи рукавицы с разрезом, удобные для работы зимой, снял исподни — шерстяные рукавицы под кокольдами, надорвал конверт, посмотрел на дату и тут же перевернул страницу: Варины приписки всегда шли в конце. В этом письме ничего от Вари не было. Он надорвал второй конверт, опять нет.

Третий. Наконец-то! Его охватывала радость, даже когда он видел ее почерк. Варя писала коротко: «У меня ничего нового. Живу, работаю, скучаю... Ждем тебя».